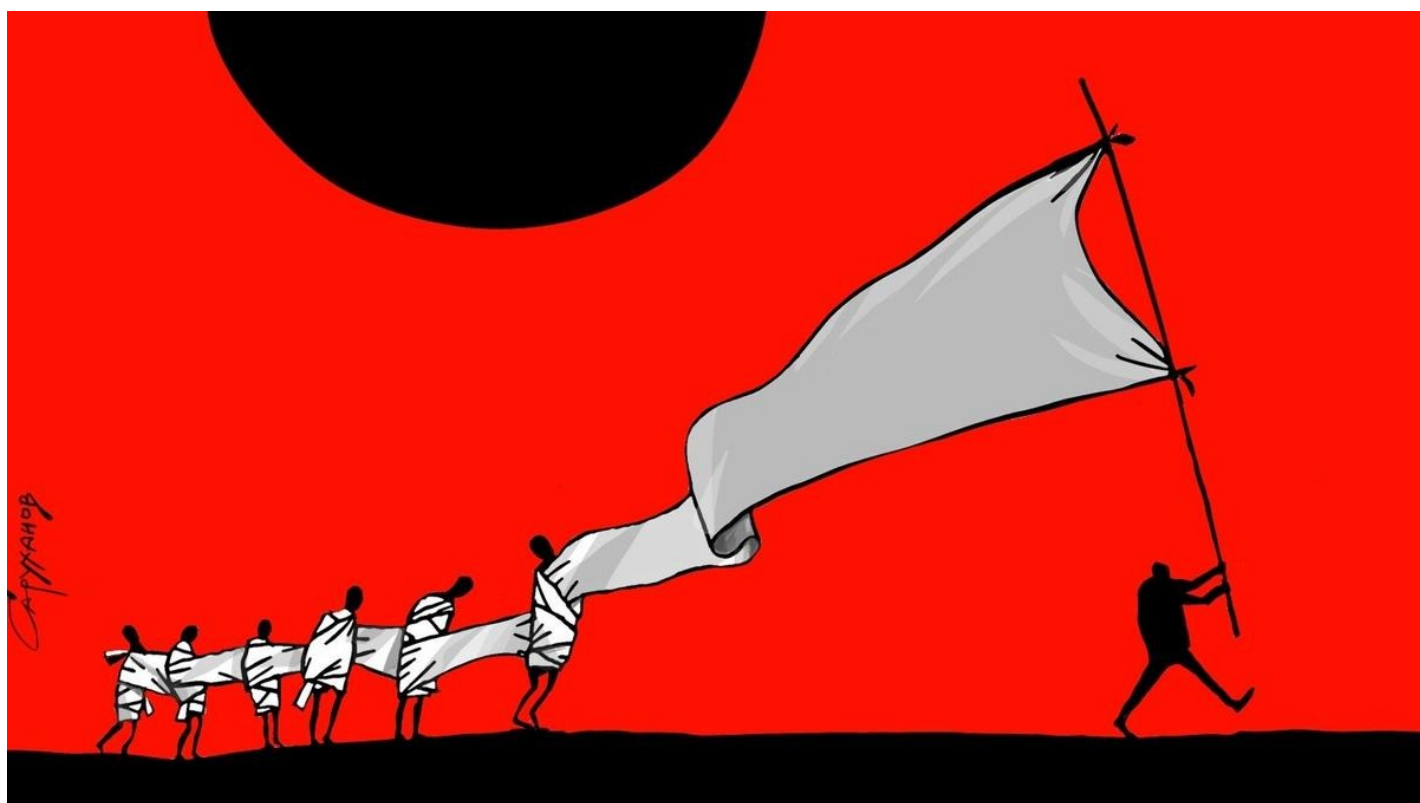

Есть ли идея в «идее народа»

На каких заклинаниях основана стабильность российской жизни. О покорности и ее символах

Петр Саруханов / «Новая газета»

12:15, 23 декабря 2023,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Вот цитаты из выступлений одного известного российского политика — того, который сейчас является единственным, по сути, легальным политиком в стране:

«Надо верить в великий русский, российский народ. Российская национальная идея — в патриотизме, тут ничего другого не может быть. Единственное спасение и условие для движения вперед — единство».

Такие фразы или подобные им употребляют сейчас многие российские жители. Особенно в тех случаях, когда требуется дать хоть какое-то обоснование тому, что с их страной происходит. Однако сколько ни говори: «великий народ», «патриотизм», «единство», — это не приблизит ни к пониманию этих слов, ни к пониманию того, что такое упомянутая «национальная идея» или «идея народа». Впрочем, многие и не озабочены пониманием. Достаточно и того, что есть такие слова-заклинания, при повторении которых куда-то исчезает тревога. На некоторое время.

В своем самом простом, формальном значении «народ» — это, прежде всего, большое количество людей. Тем или иным образом друг с другом сплоченных. Для сплочения необходимы по меньшей мере два условия: единство территории и единство понимания. Потому народ должен иметь общую землю, с которой отождествляет себя, а также — общий язык. Причем язык здесь не просто средство общения, а устойчивая система символических образов, описывающих мир и место в нем этих людей. И прежде всего, благодаря этой

системе, а не потому, что он просто живет на этой земле, — человек обретает и ощущает свою «народную» принадлежность.

Чтобы сплочение было устойчивым, систему надо постоянно воспроизводить, повторять те же самые основы, на которых она держалась и держится.

Если основы будут подвержены переменам — сплочение ослабнет. Каждое новое поколение должно воспроизводить то, на чем базировались поколения предыдущие. Стабильность народной жизни основана на повторях.

По сути, когда мы говорим об «идее народа» — мы имеем в виду прежде всего ту символическую систему, что восстанавливается раз за разом, поколение за поколением. Могут модернизироваться и совершенно видоизмениться многие вещи — внешний облик народа и его земли может до неузнаваемости измениться. Но, если настойчиво повторять «мудрость» предков, то история пройдет сквозь народ, ничего не затронув в нем по существу. Какие бы новые мысли и откровения ни появлялись время от времени, но если «идея народа» сильна — на жизни людей это заметным образом и не скажется. Никто не научится новому, да в общем-то и не захочет чего-то нового. «Идея народа» есть своего рода предохранитель от того, чтобы какие-то перемены стали возможны.

Как появляется «идея народа» или, лучше сказать, — его символическая система? Вероятно, она не дается в каком-то готовом виде, она не предзадана по умолчанию.

Впрочем, представления о такой предзаданности весьма популярны — и не только в далеких архаических временах, но и сейчас. Они объединяются общим понятием «примордиального», которое указывает, что существует некая первоначальная, врожденная данность.

«Примордиальный» подход, с одной стороны, дает хорошую почву для воображения, что порождает эпические истории о неизбежной «судьбе народа» или о неизменном «духе народа». С другой стороны, такие истории радикально упрощают реальность, устраняя из нее вектор изменчивости, гипотетичности и в целом — эволюционности.

Если мы не ищем простых ответов, то источником символической системы можно полагать нелинейный и прерывистый процесс ее собирания из тех эмоциональных реакций, мыслей и образов, что возникают при переживании людьми драматичных, переломных моментов истории. Коротко говоря, ее составляют впечатления, рожденные из столкновения человеческого «я» и мира. И очевидно, что как впечатления, так и реакции, им предшествующие, — не являются здесь предсказуемыми, какими они выступают, например, для представителей животного царства.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Человек лишен заранее заложенной в него природной программы, которая определяла бы реакцию. В нем есть возможность почувствовать, подумать или поступить весьма неожиданным образом. Даже если до сих пор он думал и поступал по известному образцу. В этом ключевое различие с животным, и называется оно — свободой.

Поэтому «идея народа» тоже собирается и пересобирается заново раз от раза с каждым новым поколением, а то и еще чаще, — но не выдается раз и навсегда в исключительно совершенном и законченном виде. И даже если эта идея идентифицируется ее адептами или оппонентами как

одна и та же идея — на деле она никогда не является равной самой себе.

В общем-то с учетом «собирабельного» ее производства — «идея народа» и не существует как нечто такое, что может быть равно само себе. В ней нет неизменной субстанциональности — если, конечно, мы, как сторонники примордиального подхода, — не захотим приписать ей таковую. Но, даже будучи приписанной, такая «субстанциональность» на глазах демонстрирует свою изменчивость и неоднородность.

Например, идея «советского народа» несколько раз весьма радикально трансформировалась за свой почти вековой период существования. То, что она представляла собой в начале революционных 20-х годов прошлого века, затем — в самодержавные 30-е и 40-е, потом — в «оттепель» 60-х, и то, чем она была под занавес, в 70–80-е годы, — это очень разные идеи, разные «советские народы».

Или, уже в нашем времени, — если рассматривать «идею народа» в аспекте политических выборов, в связи с электоральными предпочтениями населения страны, — то отдача голосов за известного несменяемого кандидата в российские президенты в нулевых годах, в 10-х и сейчас, в начале 20-х, — это выборы совершенно разных сценариев истории, разных концепций и мифов, которые воплощал собой этот кандидат в упомянутые периоды.

Идеи сплачивают, в этом нет сомнений. Порой они могут объединять действительно огромные количества индивидов, которые под их воздействием начинают смотреть в одну сторону и стремиться к одним целям. Но гораздо чаще идеи вносят разнообразие, т.е. фактически разобщают.

Нет более отчужденных или даже антагонистичных друг к

другу индивидов или социальных групп, если они захвачены противоположными идеями, — пусть и говорят они на одном языке и живут на одной территории, в одном доме. Нет и не было такой общественной идеи, которая не имела бы как преданных апологетов, так и радикальных критиков.

И там, где одна и та же идея охватывает большинство умов, — она распадается на множество интерпретаций и версий, порой совершенно непримиримых.

Можно ли представить более жесткую борьбу между интерпретациями идеи социальной справедливости, т.е. социализма, которая шла всю первую половину XX века и не закончена и поныне? Или представить большие разночтения и партийные расколы между теми, кто считает себя абсолютным сторонником демократической идеи?

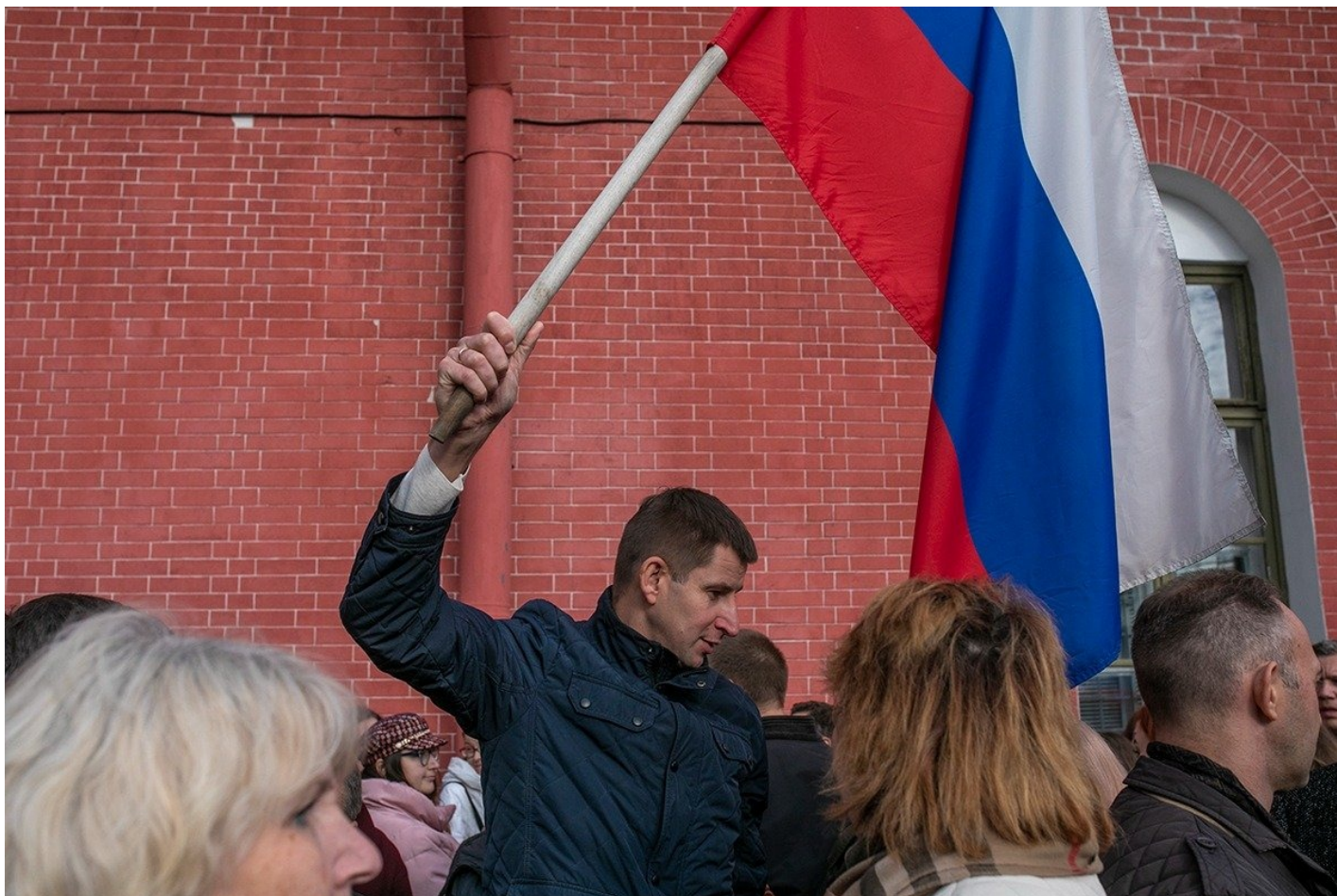

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

К тому же, если говорить о «народности» идей и вернуться к формальному пониманию народа как большого количества людей, скопленных на одной территории, — то идеи никогда не возникают из этого количества неким «естественным» образом. Наподобие того, как в представлениях жителей «темных веков» — из гнилой соломы сами собой возникают мыши. Нет, идеи всегда приходят от весьма немногочисленных культурных элит, от гениев-одиночек и артистически одаренных харизматиков. Собственно же в «народе» идеи обретают лишь свою вторую жизнь — причем весьма искаженную вследствие радикальных упрощений. Существует вполне очевидная пропорциональность между уровнем распространения идеи и ее популярности — и уровнем ее упрощающего искажения.

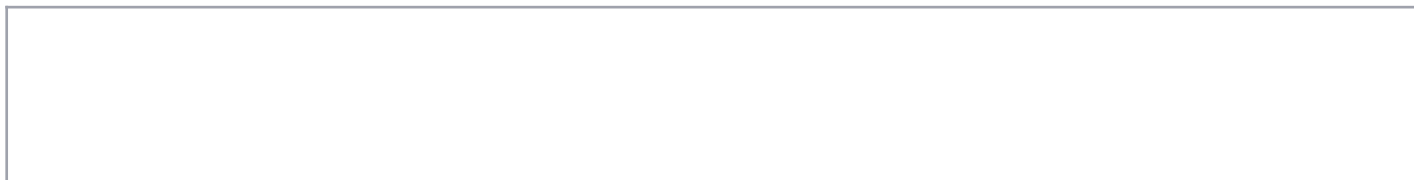
Если, как мы видим, никакая «народная идея» не является слишком уж «народной» и тем более не служит постоянным идентификатором — то что же тогда обеспечивает людям их

сплочение?

Есть одно общее свойство, неизменно переходящее от века к веку. Это некая гипнотическая замороженность перед превосходящей и очевидной силой обстоятельств, которая воспринимается людьми как негласный закон, которому они подчиняют свою волю и сознание. С помощью какой бы «идеи» такая сила ни идентифицировалась, результат ее воздействия будет одинаковым: покорность большинства. И даже в тех случаях, когда сила сопровождается весьма экстремальными идеями, ломающими привычный порядок вещей, — она, как правило, тоже обеспечивается людской покорностью.

Но здесь начинается разговор уже не про «народную идею». Здесь мы уже должны обратиться к неким экзистенциальным и психологическим состояниям, весьма архаичным состояниям, которые предшествуют всякой идеализации.

Когда-то итальянский гуманист Пико Мирандола написал ключевой для всего Нового времени трактат: «Речь о достоинстве человека», где главным предметом показал человеческую способность к самоопределению. Способность завязана на том, что люди по природе своей есть существа неопределенные — по изначальному замыслу о них «Творца». А потому им самим и решать, кем становиться и для какой цели жить. Собственно, в этом и заключается их достоинство. «Творец» поделился с людьми своей способностью созидать нечто из ничего — или почти из ничего.

«Не даем мы тебе, о, Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю».

(Пико делла Мирандола. «Речь о достоинстве человека»)

В общем-то концепцию Пико Мирандолы можно рассматривать как основу для выше приведенного утверждения о том, что историческое пространство все время переучреждает, переделывает себя с помощью различных идей и их интерпретаций. Этой концепцией можно обосновать столь яркую и драматичную игру творческих сил в человеческой истории и культуре. И можно было бы сказать, что в плане свободного самоопределения человечество вполне следует замыслу своего «Творца».

Но. Мы также видим, насколько не часто в истории народов случается столь «ожидаемый» творческий скачок; насколько долго, столетиями народы могут терпеть насилие как собственных властей, так и чужеземную волю.

Мы видим, насколько покорное безразличие к своей судьбе преобладает над волей «определять свой образ по своему решению».

В общем, та субстанциональная неопределенность, в которой гуманист Мирандола видел высшее достоинство человека, воспринимается в большинстве случаев не только не как нечто ценное, но, напротив, как тяжелое бремя и проклятье, от которого следует при первых возможностях избавляться. И такие возможности не заставляют себя долго ждать.

Практически всякая идея, попадая в широкий общественный контекст, начинает претендовать на главенство, на положение единственно «правильной» идеи. Понятно, что претендует не идея сама по себе, а ее носители, ее апологеты. И если им удастся обрести над обществом фактическую власть, то власть обретает также их «правильная идея».

Собственно, история часто демонстрирует нам, что такие идеи-победительницы имеют власть и влияние не сами по себе, но лишь как дополнительное обоснование для власти и влияния своих апологетов. Однако при этом идеи-победительницы играют все же очень важную роль: они дают сознанию и чувствам ту утешительную определенность, в которой так остро нуждается большинство. Они создают устойчивую и замкнутую символическую систему, которую фактически власти и провозглашают подлинной «народной идеей». Что же до самого «народа», то, как правило, он вполне этим доволен и не горит желанием проникать в суть идеального мира и выяснять его соответствие миру фактических обстоятельств.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Как правило, всякая символическая система, вокруг которой формируется сообщество, стремится к тому, чтобы завладеть этим сообществом целиком, не оставляя в сознании пустых мест и вопросов. И, как правило, сообщество позволяет это сделать. Чем более тотальна над людьми власть спланированных идей и образов, тем меньше владеют людьми тревоги, недовольства и страхи, эти неизменные спутники бытия в мире. Власть достигается через то, что идеи и образы должны постоянно быть на виду, должны непрерывно транслироваться, повторяться. Это дает людям ощущение, что так всегда и было; дает идеям и образам статус «естественности».

Например, религиозный человек вырабатывает чувство устойчивой веры при регулярном посещении храма, постоянном общении с единоверцами и периодическом участии в предписанных ритуалах. И у него неким

«естественным» образом, в силу воздействия повторений, будет возрастать убежденность, что миром правит тот бог, образ которого он и привык почитать в своем храмовом приходе.

Или же когда человек ежедневно сталкивается со стремлением окружающих его людей увеличивать объем своего денежного довольства — то в человеке «естественным» образом укрепляется и представление, и чувство, что мир — это, прежде всего, то место, где, как писал современный российский классик, «бизнес встречает деньги».

* * *

Ритуал, повторение, привычка, представления и слова окружающих — вот то, что делает символическую систему несомненной, дает ей практически необсуждаемую власть над умами. Об этом отлично сказано у Ролана Барта, философа-структуралиста, изучавшего силу воздействия языка:

«Энкратический язык (тот, что возникает и распространяется под защитой власти) по самой своей сути является языком повторения; все официальные языковые институты — это машины, постоянно пережевывающие одну и ту же жвачку; школа, спорт, реклама, массовая культура, песенная продукция, средства информации безостановочно воспроизводят одну и ту же структуру, один и тот же смысл, а бывает, что одни и те же слова: стереотип — это политический феномен, это само олицетворение идеологии».

(Ролан Барт «Мифологии»)

Эту мысль интересно продолжить: да, власть (политическая власть) изначально создает для сообщества язык повторений, через который она воспроизводит и ритуализирует себя. Но верно и обратное — язык сплоченного сообщества, становясь под влиянием власти по преимуществу языком повторений, — сам по себе начинает воспроизводить эту власть. Не обязательно вот эту конкретную власть — но ту типологию власти, которая лучше всего будет соответствовать сложившейся языковой привычке, устойчивому языковому стандарту.

Язык народа сам по себе начинает тиражировать такое отношение к власти, с которым свыкся, о котором привык говорить и думать. Тиражируя, он тем самым призывает эту власть. И воскрешает ее — даже там, где эта власть, кажется, уже сошла со сцены.

Причем язык народа совсем не обязательно должен здесь говорить одни и те же слова — он обновляется, модернизируется, меняет стилистку. Но по своей сути он ностальгически развернут в сторону уже известного, много раз воспроизведенного смысла. В основании этого языка всегда стоит наготове известный риторический вопрос, ответ на который по умолчанию уже ясен: «Если не так, то как?»

Если нам попадается на глаза сочетание таких слов, как «народная идея» и «единство», — следует помнить, что речь здесь, по сути, идет о единстве людей в их покорности своим властям. Что же до содержания идеи, то, кажется, не придумано еще такого безумия, которое не признали бы люди, — если этого

настойчиво будет требовать власть.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Культура призраков](#)

Книга психолога Татьяны Литвиновой — «Сталин жил в нашей квартире» — о неизжитом опыте тотального насилия

15:22, 7 декабря 2023, Роман Шамолин

[Во что переоделся дьявол](#)

Философский взгляд на книгу Дмитрия Быкова* VZ, которую не купить в российских магазинах

17:00, 21 декабря 2023, Роман Шамолин